

И Таня, подумав недолго, согласилась с ним.

— Ты прав, — сказала она. — Что-нибудь должно остаться. Всё не может пройти. Иначе куда же... — спросила она со слезами, — куда же девается наша верная дружба навеки?

Дети обняли друг друга.

Тёплый воздух скользил по их лицам.

И обнявшись, они неотступно смотрели всё в одну и ту же сторону, не назад, а вперёд, потому что у них ещё не было воспоминаний.

Но первая грусть расставания уже потревожила их.

— Прощай, дикая собака динго, — сказал Филька, — прощай!

Ему хотелось горько заплакать, но он был мальчик, родившийся в молчаливом лесу, на берегу сурового моря. Он лёг на песок у воды и замер.

А Таня пошла по песку вдоль реки, и чистый ветер, прилетевший с того же сурового моря, дул ей всё время навстречу.

1. Почему Таня искала Фильку? О чём она грустила?
2. Почему так печален был Филька? Что придумал он, чтобы сохранить память о Тане?
3. Как прошло прощание Тани с Филькой? Какие чувства вызвало оно у вас?
4. Озаглавьте этот отрывок.
5. Перескажите его содержание.
6. Прочитайте полностью повесть Р. И. Фраермана «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви».

ЛЕВ АБРАМОВИЧ КАССИЛЬ

(1905—1970)

Чтобы написать хорошую книгу, нужен не только талант писателя, но и то, что называется знанием жизни. Кассиль умел это делать. Темы его лучших книг всегда не выдуманы писателем, а реально существовали. Настоящему герою посвящена повесть «Улица младшего сына», написанная совместно с М. Поляновским. Повесть «Ранний восход» не только посвящена трагически погибшему юному московскому художнику Коле Дмитриеву, но и иллюстрирована его рисунками.

И в других книгах Кассиля рассказывается о действительных фактах и событиях жизни, с которыми он сталкивался во время своих поездок в качестве корреспондента газет и радио.

После поездки с футбольной командой в Турцию Кассиль написал смешную книжку для ребят «Турецкие бутсы» («Пекины бутсы»).

Лев Абрамович был по-настоящему красивым человеком. Строг, подтянут, спортивен, бодр, весел.

Внешний вид Льва Абрамовича поразительно соответствовал его натуре — красоте душевной, стойкому оптимизму.

Кассиль — целая эпоха в нашей литературе. Книги его читали, воспитывались на них практически все жители нашей страны.

С. А. Баруздин

Пека Дементьев был очень знаменит. Он долгое время слыл одним из самых ловких, самых смелых и искусных футболистов.

Узнать его было очень легко: самый маленький игрок нашей сборной. До плеча всем. Его и в команде никто не звал по фамилии Дементьев или по имени — Пётр. Пека — и всё.

На поле во время игры Пека был самым резвым и быстрым. Бегает, бывало, прыгает, обводит, удирает, догоняет — живчик! Мяч вертится в его ногах, бежит за ним, как собачка, юлит, кружится. Никак не отнимешь мяча у Пеки. Никому не угнаться за Пекой. Недаром он слыл любимцем команды и зрителей.

А дома, в вагоне, на корабле, в гостинице Пека казался самым тихоньким. Сидит, молчит. Очень серьезным человеком считался наш Пека.

С бутсами ему только раз не повезло. Бутсы — это особые ботинки для футбола. Они сшиты из толстой кожи. Подошва у них крепкая, вся в пенёчках — шипах, с подковкой. Это чтобы не скользить по траве, чтобы крепче на ногах держаться. Без бутс и играть нельзя.

Когда Пека поехал с нами в Турцию, в его чемодане аккуратно было сложено всё футбольное хозяйство и хорошие бутсы, сделанные по особому заказу специально для Пеки. Бутсы были боевые, испытанные. Ими Пека забил уже пятьдесят два мяча — гола. Они были ни велики, ни малы — в самый раз. Нога в них была и за границей как у себя дома.

Но на первой же игре в Турции Пека истоптал, разбил, размочалил свои бутсы на каменистой почве. Пека привязал подошву верёвочкой и кое-как доиграл матч. Он даже ухитрился всё-таки вбить туркам один гол. Турецкий вратарь кинулся, прыгнул, но поймал только оторвавшуюся Пекину подошву. А мяч был уже в сетке.

После матча Пека пошёл, хромя, покупать новые

бутсы. Мы хотели проводить его, но он строго сказал, что обойдётся без нас и сам купит.

Он ходил по магазинам очень долго, но нигде не мог найти бутс по своей маленькой ноге. Все были ему велики.

Через два часа он наконец вернулся в нашу гостиницу. Он был очень серьёзный, наш маленький Пека. В руках у него была большая коробка. Футболисты обступили его.

— Ну-ка, Пека, покажи обновку!

Пека с важным видом распаковал коробку, и все так и присели... В коробке лежали невиданные бутсы, красные с жёлтым, но такие, что в каждой из них уместились бы сразу обе ноги Пеки, и левая и правая.

— Ты что это, на рост купил, что ли? — спросили мы у Пеки.

— Они в магазине меньше были, — заявил нам серьёзный Пека. — Правда... и смеяться тут не с чего. Что я, не вырасту, что ли? А зато бутсы заграничные.

— Ну, будь здоров, расти большой в заграничных бутсах! — сказали футболисты и так захохотали, что у дверей отеля стал собираться народ.

Только один человек не смеялся. Это был сам Пека. Он аккуратно завернул новые бутсы в бумагу и лёг спать, хотя на дворе был ещё день.

Наутро Пека явился в ресторан завтракать в новых цветистых бутсах. «Разносить хочу, — спокойно заявил нам Пека, — а то левый жмёт маленько».

— Ого, растёшь ты у нас, Пека, не по дням, а по часам! — сказали ему. — Смотри-ка, за одну ночь ботинки малы стали. Ай да Пека!

Пека, не обращая внимания на шутки, уплетал молча вторую порцию завтрака.

Как мы ни смеялись над Пекиными бутсами, он украдкой напихивал в них бумагу, чтобы нога не болталась и выходил на футбольное поле. Он даже гол в них забил.

Бутсы здорово натёрли ему ногу, но Пека из гордости не хромал и очень хвалил свою покупку. На насмешки он не обращал никакого внимания.

? 1. Каким футболистом был Пека Дементьев? Почему он был знаменитым? Как играл Пека?

2. Найдите в тексте слова и выражения, служащие для описания внешности Пеки.
3. Что вы можете сказать о его характере? Приведите примеры.
4. Почему футболисты смеялись над Пекиной покупкой? Как отнёсся к этому сам Пека?
5. Озаглавьте эту часть рассказа.
6. Расскажите содержание первой части близко к тексту.

II

Когда наша команда сыграла последнюю игру в турецком городе Измире, мы стали укладываться в дорогу.

И тут оказалось, что бутсы не лезут в чемодан. Чемодан был набит. И Пеке пришлось бы нести при всех знаменитые бутсы отдельно в руках, но они ему самому так надоели, что Пека решил отделаться от них. Он незаметно засунул их за шкаф в своей комнате, сдал в багаж чемодан и поехал на вокзал.

На вокзале мы сели в вагоны. Вот пробил звонок, поезд тронулся. Как вдруг на перрон выбежал запыхавшийся мальчик из нашего отеля.

— Мосье Дементьев, господин Дементьев!.. — кричал он, размахивая чем-то пёстрым. — Вы забыли в номере свои ботинки... Пожалуйста.

И знаменитые Пекины бутсы влетели в окно вагона, где молча и сердито их взял серьёзный наш Пека.

Когда ночью в поезде все заснули, Пека тихонько встал и выбросил бутсы за окно. Поезд шёл полным ходом, за окном неслась турецкая ночь. Теперь уже Пека твёрдо знал, что он отделался от своих бутс. Но едва мы приехали в город Анкару, как на вокзале нас спросили:

— Скажите, ни у кого из вас не выпадали из окна вагона футбольные ботинки? Мы получили телеграмму, что из скорого поезда на сорок третьем перегоне вылетели бутсы. Вы не беспокойтесь. Их завтра доставят сюда поездом.

Так бутсы второй раз догнали Пеку. Больше он уже не пытался отделаться от них.

В Стамбуле мы сели на пароход «Чичерин». Пека спрятал свои злополучные бутсы под корабельную койку, и все о них забыли.

К ночи в Чёрном море начался шторм. Корабль стало качать. Всё качалось, всё шаталось, всех тошнило.

Пека заболел морской болезнью. Ему было очень плохо. Он лежал и молчал.

Три дня ревел и трепал нас шторм. Страшные валы величиной с трёхэтажный дом швыряли наш пароход, били его, вскидывали, шлёпали.

Маленький Пека ездил на своей койке взад и вперёд. Он не доставал ногами до прутьев койки, и его то стучало об одну стену головой, закинув вверх ногами, то, наклонив обратно, било пятками в другую. Пека терпеливо сносил всё. Над ним никто уже не смеялся.

Но вдруг мы все увидели замечательную картину: из дверей Пекиной каюты важно вышли большие футбольные бутсы. Ботинки шествовали самостоятельно. Сначала вышел правый, потом — левый. Левый споткнулся о порог, но легко перескочил и толкнул правый. По коридору парохода «Чичерин», покинув хозяина, шагали Пекины ботинки.

Тут из каюты выскочил сам Пека. Теперь уж не бутсы догоняли Пеку, а Пека пустился за удиравшими ботинками. От сильной качки бутсы выкатились из-под койки. Сперва их швыряло по каюте, а потом выбросило в коридор.

— Караул, у Пеки бутсы сбежали! — закричали футболисты и повалились на пол — не то от хохота, не то от качки.

Пека мрачно догнал свои бутсы и водворил их в каюту на место.

Скоро на пароходе все спали.

1. Перечислите, какие попытки делал Пека, чтобы избавиться от своих бутс.
2. Чем кончались эти попытки?
3. Что вызвало смех футболистов на пароходе? Какую роль сыграл этот эпизод для спокойствия команды? Чем вы можете доказать свой ответ?
4. Озаглавьте эту часть рассказа.
5. Перескажите содержание второй части.

III

В двенадцать часов двадцать минут ночи раздался страшный удар. Весь корабль задрожал. Все разом вскочили.

— Погибаем! — закричал кто-то. — На мель сели... Разобьёт теперь нас...

— Одеться всем теплее, всем наверх! — скомандовал капитан. — Может быть, на шлюпках придётся, — добавил он тихо.

В полминуты одевшись, подняв воротники пальто, выбежали мы наверх. Ночь и море бушевали вокруг. Вода, вздуваясь чёрной горой, мчалась на нас. Севший на мель корабль дрожал от тяжёлых ударов. Нас било о дно. Нас могло разбить, опрокинуть. Куда тут на шлюпках!.. Сейчас же захлестнёт. Молча смотрели мы на чёрную эту погибель. И вдруг все заулыбались, все повеселели. На палубу вышел Пека. Он второпях надел вместо ботинок свои большущие бутсы.

— О, — засмеялись спортсмены, — в таких вездеступках и по морю пешком пройти можно! Смотри только не зачерпни.

— Пека, одолжи левый, тебе и правого хватит, уместисься.

Пека серьёзно и деловито спросил:

— Ну как, скоро тонуть?

— Куда ты торопишься? Рыбы подождут.

— Нет, я переобуться хотел, — сказал Пека.

Пеку обступили. Над Пекой шутили. А он сопел как ни в чём не бывало. Это всех смешило и успокаивало. Не хотелось думать об опасности. Команда держалась молодцом.

Через два часа капитан закончил осмотр судна. Мы сидели на песке. Подводных камней не было. До утра мы могли продержаться, а утром из Одессы должен был прийти вызванный по радио спасательный пароход «Торос».

— Ну, я пойду переобуюсь, — сказал Пека, ушёл в каюту, снял бутсы, разделся, подумал, лёг и через минуту заснул.

Мы прожили три дня на наклонившемся, застрявшем в море пароходе. Последнее топливо кончалось. Подходили к концу запасы еды.

Невесело было сидеть впроголодь на остывшем корабле среди неприветливого моря. Но и тут Пекины злосчастные бутсы помогли. Шутки на этот счёт не прекращались.

— Ничего, — смеялись спортсмены, — как запасы все съедим, за бутсы примемся! Одних Пекиных на два месяца хватит.

Когда кто-нибудь, не выдержав ожидания, начинал ныть, ему тотчас кричали:

— Брось ты, сядь в галошу и бутсой Пекиной прикройся, чтоб нам тебя не видно было...

Кто-то даже песенку сочинил, не очень складную, но привязчивую. Пели её на два голоса. Первый запевал:

Вам не жмут ли, Пека, бутсы?
Не пора ль переобуться?

А второй отвечал за Пеку:

До Одессы доплыву,
Не такие оторву...

— И как у вас у самих мозолей на языке нет? — ворчал Пека.

Через три дня нас на шлюпках перевезли на прибывший советский спасательный корабль «Торос».

Тут Пека снова попытался забыть свои бутсы. Но матросы привезли их на последней шлюпке вместе с багажом.

— Это чьи такие будут? — спросил весёлый матрос, стоя на взлетающей шлюпке и размахивая бутсами.

Пека делал вид, что не замечает.

— Это Пекины, Пекины! — закричала вся команда. — Не отрекайся, Пека!

И Пеке торжественно вручили... его бутсы...

Ночью Пека пробрался в багаж, схватил ненавистные бутсы и, оглядываясь, вылез на палубу.

— Ну, — сказал Пека, — посмотрим, как вы теперь вернётесь, дряни полосатые!

И Пека выбросил бутсы в море. Волны слабо плеснули. Море съело бутсы, даже не разжевав.

Утром, когда мы подъезжали к Одессе, в багажном отделении начался скандал. Наш самый высокий футболист, по прозвищу Михей, никак не мог найти своих бутс.

— Они вот тут вечером лежали! — кричал он. — Я их сам вот сюда переложил. Куда же они подевались?

Все стояли вокруг. Все молчали. Пека пробрался вперёд и ахнул: его знаменитые бутсы, красные с жёлтым, как ни в чём не бывало стояли на чемодане. Пека сообразил.

— Слушай, Михей, — сказал он. — На, бери мои. Носи их! Как раз по твоей ноге. И заграничные всё-таки.

— А сам ты что же? — спросил Михей.

— Малы стали, вырос, — солидно ответил Пека.

- ? 1. Какое несчастье произошло с пароходом?
2. Расскажите о смешных эпизодах, которые помогли команде с шутками переносить тяжёлые моменты жизни на корабле.
3. Чем закончилась история с Пекиными бутсами? Расскажите.
4. Озаглавьте эту часть рассказа.
- 5. Перескажите содержание этой части, сохраняя прямую речь.
- ? 6. Найдите в тексте примеры, подтверждающие, что Пека обладал чувством юмора. Какой момент рассказа изображён на иллюстрации?
7. Составьте характеристику Пеки по следующему плану:
 - 1) внешность;
 - 2) искусная игра в футбол;
 - 3) скромность; мужество, самообладание;
 - 4) чувство товарищества; чувство юмора.
8. Какое впечатление произвёл на вас этот рассказ? Грустно или весело было его читать? Докажите свой ответ.

**АЛЕКСАНДР
ТРИФОНОВИЧ
ТВАРДОВСКИЙ**
(1910—1971)

До 18 лет Твардовский жил в деревне. Учился в школе, работал в поле, в кузнице. В 1928 году он переехал в Смоленск, а позднее в Москву.

Писать Твардовский начал очень рано. Его первые стихи посвящены деревне, крестьянству.

Год Великой Отечественной войны А. Т. Твардовский провёл в действующей армии в качестве военного корреспондента. В это время им было написано самое значительное произведение, получившее всенародную известность, — поэма «Василий Тёркин» (книга про бойца). В ней поэт показал такую истинную и жестокую картину войны, которую мог воссоздать только человек, сам прошедший через это. Василий Тёркин соединял в себе народный разум, народное чувство, народное слово.

Долгие годы А. Т. Твардовский был главным редактором журнала «Новый мир». Он открыл дорогу в литературу многим молодым писателям и поэтам.

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

(Отрывки из поэмы)

Тёркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.
— Шли сапёры молодцом.
— Артиллерия подавно
Не ударит в грязь лицом.
— А пехота!
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...
Словом, просто красота.
И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит:
Сколько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.
И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имён —
Тёркин — вырвалось — Василий!
Это был, конечно, он.

★ ¹ **Вир** — глубокое место в реке.

- ? 1. Как отличился Тёркин в бою за село?
- 2. Прочитайте строки, в которых выражено отношение бойцов к Василию Тёркину. Как вы думаете, за что бойцы любили Тёркина?
- ? 3. Охарактеризуйте поведение Тёркина в этом бою.
4. Почему автор в начале поэмы назвал Тёркина «обыкновенным парнем»? Подтвердите свой ответ строками из текста.
5. Составьте характеристику Василия Тёркина, используя такие слова, как *решительность*, *выдержка*, *хладнокровие*, *находчивость*, *талантливость*, *скромность*, а также слова и выражения из поэмы.

ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ ШУКШИН (1929—1974)

Разносторонней и талантливой была короткая жизнь Василия Макаровича Шукшина.

«Если бы Василий Шукшин был только актёром, только режиссёром, только сценаристом и драматургом и, наконец, только прозаиком, то и тогда, в этом каждом отдельном случае, мы имели бы перед собой выдающееся дарование. Но все эти дарования принадлежали одному человеку», — сказал писатель С. П. Залыгин.

Герои его рассказов — простые деревенские люди: крестьяне, трактористы, шофёры, бригадиры — те, кто работает на земле, кто является её «сеятелями и хранителями». С большим вниманием относится писатель к их внутреннему миру. В каждом человеке Шукшин раскрывает всю глубину его обаяния, показывает чистоту души, непохожесть на других людей. Герои Шукшина способны к подвигу, к самопожертвованию и удивительно скромны в оценке своих поступков, порой и героических, как это видно из рассказа «Гринька Малюгин».

ГРИНЬКА МАЛЮГИН (В сокращении)

I

Гринька... был здоровенный парень с длинными руками, горбоносый, с вытянутым, как у лошади, лицом. Ходил, раскачиваясь взад-вперёд, медленно, поглядывал вокруг бездумно и ласково...

Работал Гринька хорошо, но чудил. Его, например, ни за какие деньги, никакими уговорами нельзя было заставить работать в воскресенье. Хоть ты что делай, хоть гори всё вокруг синим огнём — он в воскресенье наденет чёрные плисовые штаны, куртку «с молниями», намочит русый чуб, уложит его на правый бочок аккуратненькой копной и пойдёт по деревне — просто так, «бурлачить»...

Вот такая история приключилась однажды с Гринькой.

Поехал он в город за горючим для совхоза. Поехал ещё затемно. В городе заехал к знакомым, загнал машину в ограду, отоспался на диване, встал часов в девять, плотно позавтракал и поехал на центральное бензохранилище — это километрах в семнадцати от города, за горой. День был тусклый. Дороги раскисли после дождя, колёса то и дело буксовали. Пока доехал до хранилища, порядком умаялся.

Бензохранилище — целый городок, строгий, правильный, однообразный, даже красивый в своём однообразии. На площади гектара в два аккуратными рядами стоят огромные серебристо-белые цистерны — цилиндрические, круглые, квадратные.

Гринька пристроился в длинный ряд автомашин и стал потихоньку двигаться.

Часа через три только ему закатали в кузов бочки с бензином.

Гринька подъехал к конторе, поставил машину рядом с другими и пошёл оформлять документы.

И тут — никто потом не мог сказать, как это случилось, почему, — низенькую контору озарил вдруг яркий свет.

В конторе было человек шесть шофёров, две девушки за столами и толстый мужчина в очках (тоже сидел за столом).

Он и оформлял бумаги.

Свет вспыхнул сразу. Все на мгновение ошалели. Стало тихо. Потом тишину эту, как бичом, хлестнул чей-то вскрик на улице:

— Пожар!

Шарахнули из конторы.

Горели бочки на одной из машин. Горели как-то зловеще, бесшумно, ярко. Люди бежали от машин.

Гринька тоже побежал вместе со всеми. Только один толстый человек (тот, который оформлял бумаги), отбежав немного, остановился.

— Давайте брезент! Э-э! — заорал он. — Куда вы?! Успеем же!.. Э-э!..

— Бежи, сейчас рванёт! Бежи!.. — крикнул кто-то из шофёров.

Несколько человек остановились. Остановился и Гринька.

— Сча-ас... Ох и будет! — слышался сзади чей-то голос.

— Добра пропадёт сколько! — ответил другой.

Все ждали.

— Давайте брезент! — непонятно кому кричал толстый мужчина, но сам не двигался с места.

— Уходи! — опять крикнули ему. — Что тут брезентом сделаешь? Брезент...

Гриньку точно кто толкнул сзади. Он побежал к горящей машине. Ни о чём не думал. В голове точно молотком били — мягко и больно: «Скорей! Скорей!» Видел, как впереди, над машиной, огромным винтом свивается белое пламя.

Не помнил Гринька, как добежал он до машины, как включил зажигание, даванул стартёр, воткнул скорость — человеческий механизм сработал быстро и точно. Машина рванулась и, набирая скорость, понеслась прочь от цистерн и от других машин с горючим.

Река была в полукилометре от хранилища: Гринька правил туда, к реке.

Машина летела по целине, прыгала. Горящие бочки грохотали в кузове. Гринька закусил до крови губы, почти лёг на штурвал. Крутой, обрывистый берег приближался угнетающе медленно. На косогорчике, на зелёной мокрой травке, колёса забуксовали. Машина юзом поползла назад. Гринька вспотел. Молниеносно перекинул скорость, дал левее руля, выехал. И опять выжал из мотора всю его мощь.

До берега оставалось метров двадцать. Гринька открыл дверцу, не снимая правой ноги с газа, стал левой на подножку. В кузов не глядел — там колотились боч-

ки и тихо шумел огонь. Спине было жарко. Теперь обрыв надвигался быстро. Гринька что-то медлил, не прыгал. Прыгнул, когда до берега осталось метров пять. Упал. Слышал, как с лязгом грохотнули бочки. Взвыл мотор... потом под обрывом сильно рвануло. И оттуда вырос красивый стремительный столб огня. И стало тихо.

Гринька встал и тут же сел — в сердце воткнулась такая калёная боль, что в глазах потемнело.

— Мм... ногу сломал, — сказал Гринька самому себе.

К нему подбежали, засуетились. Подбежал толстый человек и заорал:

— Какого чёрта не прыгал, когда отъехал уже?! Направил бы её и прыгал! Обязательно надо до инфаркта людей довести!

— Ногу сломал, — сказал Гринька.

— В герои лезут! Молокососы!.. — кричал толстый. Один из шофёров ткнул его кулаком в пухлую грудь.

— Ты что, спятил, что ли?

Толстый оттолкнул шофёра. Снял очки, трубно высморгался. Сказал с нервной дрожью в голосе:

— Лежать теперь. Черти!

Гриньку подняли и понесли.

1. Расскажите о Гриньке Малюгине: где он жил, кем работал, как относился к работе.
2. Дайте оценку поступку главного героя. Докажите своё мнение. Как иллюстрация передаёт опасность, которая грозила Гриньке?
3. Сравните, как вели себя на пожаре Гринька, толстый мужчина и остальные люди.
4. Озаглавьте эту часть рассказа и передайте её краткое содержание.
5. Расскажите подробно эпизод с горящей машиной.

II

В палате, кроме Гриньки, было ещё четверо мужчин. Один ходил с «самолётом», остальные лежали, задрав кверху загипсованные ноги. К ногам их были привязаны железяки...

В палату вошёл толстый мужчина в очках (с бензохронилища, из конторы).

— Привет! — воскликнул он, увидев Гриньку. — А мне сказали сперва, что ты в каком-то другом корпусе лежишь... Едва нашёл. На, еды тебе приволок Фу-у! — Мужчина сел на краешек Гринькиной кровати. Огляделся. — Ну и житьё у вас, ребята!.. Лежи себе плюй в потолок.

— Махнёмся? — предложил мрачно белобрысый.

— Завтра махнёмся. Ну как? — спросил мужчина Гриньку. — Ничего?

— Всё в ажуре, — сказал Гринька.

— Ты скажи, почему ты не прыгал, когда уже блин до реки оставалось?

— А сам не знаю.

— Меня, понимаешь, чуть кондрашка не хватила: сердце стало останавливаться, и всё. Нервы у тебя крепкие, наверно.

— Я же танкистом в армии был, — хвастливо сказал Гринька.

— Хэх!.. Чудак! Ну, машину достали. Всё, в общем, разворотило... Сколько лежать придётся?

— Не знаю. Вон друг двадцать вторые сутки парится. Два месяца наверно.

— Перелом бедренной кости? — спросил белобрысый. — А два месяца не хочешь? «С месяц»... Быстрые все какие!

— Ну, привет тебе от наших ребят, — продолжал толстый. — Хотели прийти сюда — не пускают. Меня как профорга и то еле пропустили. Журналов вот тебе пригласили... — Мужчина достал из-за пазухи пачку журналов. — Из газеты приходили, расспрашивали про тебя... А мы и знать не знаем, кто ты такой. Сказано в путёвке, что Малюгин из Суртайки... Сказали, что придут сюда.

— Это ничего, — сказал Гринька самодовольно. — И им тут речь скажу.

— Речь?.. Хэх!.. Ну ладно, поправляйся. Будем заходить к тебе в приёмные дни — я специально людей буду выделять. Я бы посидел ещё, но на собрание тороплюсь. Тоже речь надо говорить. Не унывай!

— Ничего.

Профорг пожал Гриньке руку, сказал всем «до свидания» и ушёл.

— Ты что, герой, что ли? — спросил Гриньку белобрысый, когда за профоргом закрылась дверь.

Гринька некоторое время молчал.

— А вы разве ничего не слышали? — спросил он серьёзно. — Должны же были по радио передавать.

— У меня наушники не работают. — Детина щёлкнул толстым пальцем по наушникам, висевшим у его изголовья.

Гринька ещё немного помолчал. И ляпнул:

— Меня же на Луну запускали.

У всех вытянулись лица, белобрысый даже рот приоткрыл.

— Нет, серьёзно?

— Конечно. Кха! — Гринька смотрел в потолок с таким видом, как будто он на спор на виду у всех проглотил топор и ждал, когда он переварится, — как будто он несколько не сомневался в этом.

— Врёшь ведь? — негромко сказал белобрысый.

— Не веришь, не верь, — сказал Гринька. — Какой смысл мне врать?

— Ну и как же ты?

— Долетел до половины, и горючего не хватило. Я прыгнул. И ногу вот сломал — неточно приземлился.

Первым очнулся человек с «самолётом».

— Вот это загнул! У меня ажник дыхание остановилось.

— Трепло! — сказал белобрысый разочарованно. — Я думал, правда.

— Завидки берут, да? — спросил Гринька и стал смотреть журналы. — Между прочим, состояние невесомости я перенёс хорошо. Пульс нормальный всю дорогу.

— А как это ты на парашюте летел, если там воздуха нету? — спросил белобрысый.

— Затяжным.

— А кто это к тебе приходил сейчас? — спросил человек с «самолётом».

— Приходил-то? — Гринька перелистнул страничку журнала. — Генерал, дважды Герой Советского Союза. Он только не в форме — нельзя.

Человек с «самолётом» громко захохотал.

— Генерал?! Ха-ха-ха!.. Я ж его знаю! Он же на бензохранилище работает!

— Да? — спросил Гринька.

— Да!

— Так чего же ты тогда спрашиваешь, если знаешь?

Белобрысый раскатился громоподобным смехом. Глядя на него, Гринька тоже засмеялся. Потом засмеялись все остальные. Лежали и смеялись.

— Ой, мама родимая!.. Ой, кончаюсь!.. — стонал белобрысый.

Гринька закрылся журналом и хохочет беззвучно.

В палату вошёл встревоженный доктор.

— В чём дело, больные?

— О-о!.. О-о!.. — Белобрысый только показывал на Гриньку — не мог произнести ничего членораздельно.

Смешливый старичок доктор тоже хихикнул и поспешно вышел из палаты.

? 1. Подтвердите примером из текста, что Гринька был большой фантазёр.

2. Как вы думаете, почему Гринька не рассказал правду? Как отнеслись к его рассказу больные в палате?

III

И тотчас в палату вошла девушка лет двадцати трёх. Остановилась в дверях, удивлённо оглядела больных.

— Здравствуйте, товарищи!

Смех потихоньку стал стихать.

— Здравсте! — сказал Гринька.

— Кто будет товарищ Малюгин?

— Я, — ответил Гринька и попытался встать.

— Лежите, лежите, что вы! — воскликнула девушка, подходя к Гринькиной койке. — Я вот здесь присяду. Можно?

Девушка села на краешек белой плоской койки.

— Я из городской молодёжной газеты. Хочу поговорить с вами.

Белобрысый перестал хохотать, смотрел то на Гриньку, то на девушку.

— Это можно, — сказал Гринька и мельком глянул на белобрысого.

Детина начал теперь икать.

— Как вы себя чувствуете? — спросила девушка, раскладывая на коленях большой блокнот.

— Железно, — сказал Гринька.

Девушка улыбнулась; внимательно посмотрела на Гриньку.

— Для начала... такие... формальные вопросы: откуда родом, сколько лет, где учились...

— Значит, так... — начал Гринька. — А потом я речь скажу! Ладно?

— Речь?

— Да.

— Ну... хорошо... Я могу потом записать. В другой раз.

— Значит, так: родом я из Суртайки — семьдесят пять километров отсюда. А вы сами откуда?

Девушка весело посмотрела на Гриньку, на других больных; все, притихнув, смотрели на неё и на Гриньку, слушали.

— Я из Ленинграда. А что?

— Значит, так... — продолжал Гринька. — О чём мы с вами говорили?

— Где вы учились?

— Я волнуюсь, — сказал Гринька (ему не хотелось говорить, что он окончил только пять классов). — Мне трудно говорить.

— Вот уж никогда бы не подумала! — воскликнула девушка. — Неужели вести горящую машину легче?

— Видите ли... — опять напыщенно заговорил Гринька, потом вдруг поманил к себе девушку и негромко — так, чтоб другие не слышали, доверчиво спросил: — Вообще-то в чём дело? Вы только это не пишите. Я что, на самом деле подвиг совершил? Я боюсь: вы напишете, а мне стыдно будет потом перед людьми. «Вон, скажут, герой пошёл!»

Девушка тихо засмеялась. А когда перестала смеяться, некоторое время с интересом смотрела на Гриньку.

— Нет, это ничего, можно.

Гринька приободрился.

— Можно я вам письменно всё опишу? А вы ещё раз завтра придёте, и я вам отдам.

Девушку Гринькино предложение поставило в тупик.

— Понимаете... я должна этот материал сдать сегодня. А завтра я уезжаю. Просто не знаю, как нам быть. А вы коротко расскажите... Значит, вы из Суртайки. Так?

— Так, — Гринька скис.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня, я ведь тоже на работе.

— Я понимаю.

— Где вы учились?

— В школе.

— Сколько классов кончили?

Гринька строго посмотрел на девушку.

— Пять... Неженатый. Не судился ещё. Всё.

— Родители...

— Мать.

— Чем она занимается?

— На пенсии.

— Служили?

— Служил. В танковых войсках.

— Что вас заставило броситься к горящей машине?

— Дурость.

Девушка посмотрела на Гриньку.

— Конечно. Я же мог подорваться, — пояснил тот.

Девушка задумалась.

— Хорошо, я завтра приду к вам, — сказала она. —

Принести чего-нибудь?

— Ничего не надо!

— Я какую-нибудь книжку интересную принесу.

— Книжку — это да, это можно.

— Хорошо. Так что же вас заставило броситься к машине?

Гринька мучительно задумался.

— Не знаю, — сказал он. И виновато посмотрел на девушку. — Вы сами напишите чего-нибудь, вы же умеете. Что-нибудь такое... — Гринька покрутил растопыренными пальцами.

— Вы, очевидно, подумали, что если бочки взорвутся, то пожар распространится дальше — на цистерны. Да?

— Конечно!

Девушка записала...

В палату вошёл доктор.

— Девушка, милая, сколько вы обещали пробыть? — спросил он.

— Всё, доктор, ухожу. Ещё два вопроса... Вас зовут Григорий?

— Малюгин Григорий Степаныч... — Гринька взял руку девушки, посмотрел ей прямо в глаза. — Приди, а?

— Приду. — Девушка ободряюще улыбнулась. — До свидания. Поправляйтесь. До свидания, товарищи!

Девушку все проводили добрыми глазами.

Доктор подошёл к Гриньке.

— Как дела, герой?

— Лучше всех.

— Дай-ка твою ногу.

— Доктор, пусть она придёт завтра, — попросил Гринька.

— Кто? — спросил доктор. — Корреспондентка? Пусть приходит. Влюбился, что ли?

— Не я, а она в меня.

Смешливый доктор опять засмеялся:

— Ну, ну... Пусть приходит, раз такое дело. Весёлый ты парень, я погляжу.

Он посмотрел Гринькину ногу и ушёл в другую палату.

Гринька смотрел в потолок. Думал о чём-то. Потом отвернулся к стене и закрыл глаза.

— Слышь, друг! — окликнул его белобрысый.

— Спит, — сказал человек с «самолётом». — Не буди, не надо. Он на самом деле что-то совершил.

— Шебутной парень, — похвалил белобрысый. — В армии с такими хорошо.

На другой день Гриньке принесли газету, где была небольшая заметка о нём. В ней рассказывалось, как он, Гринька, рискуя жизнью, спас государственное имущество. Называлась заметка «Мужественный поступок».

? 1. Как воспринял Гринька приход корреспондентки? Почему он просил её не писать о своём подвиге? Как он сам относился к своему героическому поступку? Отметьте юмористические моменты в разговорах Гриньки с корреспонденткой и с доктором.

● 2. Прочитайте, какую оценку дали Гриньке товарищи по палате. Согласны ли вы с этой оценкой? Почему?

? 3. Что было написано о Гриньке в газете?

4. Какое имя было у Гриньки? Как его следует называть?

● 5. Прочитайте описание внешности Гриньки в первой части. Был ли он внешне красивым? В чём заключается его красота как человека?

**ВИКТОР ПЕТРОВИЧ
АСТАФЬЕВ
(1924—2001)**

Путь Виктора Петровича Астафьева в литературу начался в послевоенные годы. Его первый рассказ «Гражданский человек» написан в одну ночь. В нём говорилось о войне, о погибшем товарище. Астафьев сам был солдатом той великой войны. Она научила его понимать красоту жизни.

Но было и ещё одно начало в его жизни. Мальчиком он написал сочинение о любимом озере, на котором ловил рыбу для продажи и на котором впервые узнал счастье общения с природой. Виктор Петрович не забыл о своём детском сочинении и спустя недолгое время после «Гражданского человека» написал рассказ «Васюткино озеро», в котором воскресил давнее лето, одиночество, боль и восторг, смешавшиеся в сердце. Так в творчестве писателя встретились две темы — война и мир, упорство зла и всеисилие добра.

Свою повесть «Последний поклон» Астафьев писал около двадцати пяти лет. Действие её начинается в конце 20-х годов и заканчивается после Отечественной войны. Рассказывая о своём герое, описывая его жизнь, писатель говорит о времени и событиях тех лет, свидетелем и участником которых был его герой.

ДАЛЁКАЯ И БЛИЗКАЯ СКАЗКА

(Глава из повести «Последний поклон»)

На задворках нашего села среди травянистой поляны стояло на сваях длинное бревенчатое помещение с подшивом из досок. Оно называлось мангазина, к которой примыкала также завозня, — сюда крестьяне нашего села свозили артельный инвентарь и семена. Если сторит дом, если сторит даже всё село, семена будут целы и, значит, люди будут жить, потому что, покудова есть семена, есть пашня, в которую можно бросить их и вырастить хлеб, он, крестьянин, хозяин, а не нищеврод.

Поодаль от завозни — караулка. Прижалась она под каменной обсыпью, в заветрии и вечной тени. Над караулкой, высоко на увале, росли лиственницы и сосны. Сзади неё выкуривался из камней синим дымком ключ...

В караулке было два окна: одно подле двери и одно сбоку — в сторону села. То окно, что к селу, затянуло расплотившимися от ключа черёмушником, хмелем и разной дурниной. Крыши у караулки не было. Хмель запеленал её так, что напоминала она одноглазую косматую голову. Из хмеля торчала труба с опрокинутым ведром, дверь открывалась сразу же на улицу...

Жил в караулке Вася-поляк. Роста он был небольшого, хром на одну ногу, и у него были очки. Единственный человек в селе, у которого были очки. Они вызывали пугливую учтивость не только у нас, ребятишек, но и у взрослых.

Жил Вася тихо-мирно, зла никому не причинял, но редко кто заходил к нему. Лишь самые отчаянные ребятишки украдкой заглядывали в окно караулки и ничего не могли разглядеть, но пугались всё же чего-то и с воплями убегали прочь...

Здесь, возле завозни, я был приобщен к труду — крутил по очереди с ребятишками веялку и здесь же в первый раз в жизни услышал музыку — скрипку...

На скрипке редко, очень, правда, редко, играл Вася-поляк, тот загадочный, не из мира сего человек, который обязательно приходит в жизнь каждого парнишки, каждой девчонки и остаётся в памяти навсегда. Такому

таинственному человеку вроде и полагалось жить в избушке на курьих ножках, рядом с лесом, под увалом, и чтобы огонёк в ней едва теплился, и чтобы над трубой ночами по-пьяному хохотал филин, и чтобы за избушкой дымился ключ, и чтоб никто-никто не знал, что делается в избушке и о чём думает её хозяин...

Была ранняя осень... Стайка ребятишек, не взятых на пашню из-за малолетства, играли в сыщиков-разбойников. Игра шла вяло и вскоре совсем затухла. Осенью как-то плохо играет, не то что весной. Один по одному разбрелись ребятишки по домам, а я растянулся на прогретом бревенчатом въезде и стал выдёргивать проросшие в щелях зёрна. Ждал, когда загремят телеги на увале, чтобы перехватить наших с пашни, прокатиться домой, а там, глядишь, коня сводить на водопой дадут...

Сделалось темно, тихо и одиноко... Я втиснулся в зауголок завозни и боялся громко дышать...

За речкой — рукой подать — забелели кресты на кладбище, пискнуло что-то в завозне — и холод пополз под рубаху, по спине, под кожу, к сердцу. Я уже опёрся руками о брёвна, чтобы разом оттолкнуться и лететь до самых ворот дома и забренчать щеколдой так, что проснутся на селе все собаки...

Но из-под увала, из сплетений хмеля и черёмух, из глубокого нутра земли возникла музыка и пригвоздила меня к стене.

Сделалось ещё страшнее: слева кладбище, спереди увал с избушкой, справа жуткое займище за селом, где валяется много белых костей и где давно ещё, бабушка говорила, задавился человек, сзади тёмная завозня, за нею село, огороды, охваченные чертополохом, издали похожим на чёрные клубы дыма.

Один я, один, а кругом жуть такая и ещё музыка — скрипка. Совсем-совсем одинокая скрипка. И не грозит она вовсе. Жалуется. И совсем ничего нет жуткого. И бояться нечего. Разве музыки можно бояться? Не слышал никогда, вот и...

Музыка становится мягче, прозрачней, и слышу я, как отпускает сердце.

И кажется мне, что музыка эта течёт вместе с ключом из-под горы. Кто-то припал к ручью губами, пьёт и не может напиться: так иссохло у него во рту и внутри. И видится мне почему-то тихий в ночи Енисей, на нём плот с огоньком... И ещё обоз на Енисее видится, длинный, скрипучий. Он тоже уходит куда-то. Сбоку обоза бегут собаки. Кони идут тихо, дремлют... И ещё мне видится толпа на берегу Енисея и мокрое что-то, замытое тинной, и деревенский люд по всему берегу, и бабушка с распущенными волосами, рыдающая надо мной.

Музыка эта говорит всё о печальном, о болезни вот о моей говорит, как я целое лето малярией болел, и как

мне было страшно, когда я перестал слышать и думал, уж навсегда буду глухим, и как являлась ко мне в лихорадочный сон мама и прикладывала холодную руку с синими ногтями ко лбу.

Ещё вот девочку помню, рука у неё сохнет. Обозники в город её везли лечить.

И опять обоз возник передо мною.

Всё он идёт куда-то, идёт, скрывается за поворотом реки в студёных торосах, в морозном тумане. Лошади всё меньше, меньше, и вот последнюю скрал туман. Одиноко как-то, пусто, лёд, стужа и неподвижные тёмные скалы с неподвижными лесами. Сердце моё как встрепенулось, как подпрыгнуло, так и бьётся у горла, раненное на всю жизнь музыкой.

О чём же это рассказывала мне музыка? Не про обоз же? Не о мёртвой маме, не о девочке, у которой сохнет рука. О чём-то другом, очень большом. На что же это она жаловалась? Почему так тревожно и горько мне? Почему хочется заплакать, как я ещё никогда не плакал? Почему мне жалко самого себя, жалко тех вон, что спят непробудным сном на кладбище, и среди них под бугорком лежит моя мать... оставила меня одного на этом свете.

Музыка кончилась неожиданно, будто опустил кто-то властную руку на плечо скрипача и сказал: «Ну, хватит!» На полуслове смолкла скрипка, смолкла, не выкрикнув боль, а выдохнув её...

Долго сидел я в уголочке завозни и слизывал крупные слезы, катившиеся мне на губы. Не было сил подняться и уйти. Мне хотелось тут, в тёмном уголке, возле шершавых брёвен, умереть всеми заброшенным и забытым и чтобы потом всем было жалко меня.

Скрипки не было слышно, и свет в Васиной избушке не горел. «Уж не умер ли Вася-то?» — подумал я и осторожно пробрался к караулке... Я приподнял нависшие над окошком перевитые бечёвки хмеля и заглянул в окно. Чуть мерцающая, в избушке топилась железная печка. Колеблющимся светом она обозначала столик у стены, топчан в углу. На топчане полулежал Вася, прикрывши глаза левой рукой. На груди покоилась скрипка, длинная палочка-смычок бы-

ла зажата в правой руке. Я шагнул в караулку. После того как Вася пил у нас чай, и в особенности после музыки, после тоскливой и доверчивой скрипки, мне не так страшно было к нему заходить.

— Сыграйте, дяденька, ещё.

— Что тебе, мальчик, сыграть?..

Вася сел на топчане, повертел деревянные штырёчки скрипки, потрогал смычком струны.

— Подбрось дров в печку.

Я исполнил его просьбу. Вот в печке щёлкнуло раз-другой, прогоревшие бока её обозначились красными нугля отблеск огня, пал корешками и травинками, качна Васю. Он вскинул к плечу скрипку и заиграл.

Прошло время, пока она, какую слышал узнал музыку. Та же самая бы всем другая. Она мягче у завозни, и в то же время со чуть угадывались в ней, добрее, тревога и боль только чилась её душа кровью, скрипка уже не стонала, не со-

Вася начинал предст... авляться мне чем-то вроде вол- шебника из далёкой сказки, а не одиноким калекою, до которого никому нет дела. Я так засмотрелся, так заслушался, что вздрогнул, когда Вася заговорил.

— Эту музыку написал человек, которого лишили сарать. — Если у человек думал вслух, не переставая иг- дина, — он еще не сирота, нет матери, нет отца, но есть ро- про себя. Я ждал. — Какое-то время Вася думал о ней, горечь утрат, да всё проходит: любовь, сожаление гда-никогда не проходит, но нико- же боль от ран проходит, но нико-

Скрипка снова тронет и не гаснет тоска по родине... лись при давешней игла струны, те самые, что накали- снова содрогнулась оте и ещё не остыли. Рука Васица, собранные в кулаки боли, но тут же смирилась, паль-

— Эту музыку написал мой земляк Огинский в корч- ме — так называется Вася. — Написал на у нас заезжий дом, — продолжал посылал ей последний ранице, прощаясь с родиной. Он привет. Давно уж нет композито

ра на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не мог отнять, жива до сих пор.

Вася замолчал, говорила лишь скрипка, пела скрипка, угасала скрипка. Голос её становился тише, тише, он растягивался в темноте тонюсенькой светлой паутинкой. Паутинка задрожала, качнулась и почти беззвучно оборвалась.

Я убрал руку от горла и выдохнул тот вдох, который удерживал грудью, рукой, оттого что боялся оборвать светлую паутинку. Но всё равно она оборвалась. Печка потухла. Слаясь, засыпали в ней угли. Васи не видно. Скрипки не слышно.

Тишь. Темень. Грусть.

— Уже поздно, — сказал Вася из темноты. — Иди домой. Бабушка будет беспокоиться.

Я привстал с порога и, если бы не схватился за деревянную скобу, упал бы. Ноги были все в иголках и как будто вовсе не мои.

— Спасибо вам, дяденька, — прошептал я.

Вася шевельнулся в углу и рассмеялся ли смущённо или спросил «За что?» — не разобрать.

— Я не знаю за что...

И выскочил из избушки. Растроганными слезами благодарил я Васю, этот мир ночной, спящее село, спящий за ним лес. Мне даже мимо кладбища не страшно было идти. Ничего сейчас не страшно. В эти минуты не было вокруг меня зла. Мир был добр и одинок — ничего дурного в нём не умещалось...

1. Расскажите, что вспоминал мальчик, слушая игру на скрипке. Почему его воспоминания были так печальны?
2. Какие чувства испытывал мальчик, слушая музыку? Найдите ответ в тексте рассказа. Используйте иллюстрацию.
3. Что рассказал мальчику Вася-поляк о музыке и её авторе — польском композиторе Огинском? О каких чувствах говорила его музыка?
4. Как музыка, исполняемая Васей-поляком, помогает узнать о его судьбе? В чём схожа его судьба с судьбой композитора?
5. В чём вы видите сходство Васи и его жилища? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
6. Разделите отрывок на части и озаглавьте их.
7. Перескажите содержание отрывка по составленному вами плану.

РАДИЙ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН

(1925—1993)

Летом 1941 года Радий Погодин проводил каникулы в деревне. Когда началась война, решил вернуться домой, в Ленинград. Для этого следовало пройти две линии фронта. Погодин их прошёл, правда, был ранен, но до дому добрался. Пережил он и суровую блокадную зиму, работал автослесарем. Затем семью вывезли на Урал, откуда он семнадцатилетним ушёл на фронт, не раз был ранен. Войну закончил сержантом, с орденами и медалями.

После войны Радий Погодин работал воспитателем в детском санатории, рабочим, лесорубом, строил железную дорогу. А первую книгу он выпустил в 1957 году.

Писатель Р. П. Погодин хорошо знал своего читателя, разговор с ним вёл серьёзно и строго, начистоту о самом главном в жизни подростка: о дружбе, о счастье, о жизни, о том, когда начинается биография. А начинается она для каждого, по мнению Погодина, с первого самостоятельного поступка, с первой самостоятельной большой заботы, которые только и делают мальчишку или девчонку личностью. Но больше всего писателя беспокоили вопросы: кто из маленького человека вырастет как он дальше будет жить? Хорошие ли люди получатся из Алфредов и Васек, из Любок и Стёпок?

Герои его книг живут среди нас, учатся в школе, помогают старшим, дружат и ссорятся между собой, но они умеют задумываться о своих собственных делах, сделать нужный вывод, отличить хорошее от плохого, как это происходит в рассказе «Алфред».